

## КАЗАЧЕСТВО И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ ПОГРАНИЧЬЯ В УСЛОВИЯХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Ю. Ю. Клычников

Историю российского Северного Кавказа невозможно представить без истории казачества. Появление здесь казаков уходит своими корнями в седую старину. Существует немало теорий, как подкрепленных научными данными, так и откровенно фантастических, которые реконструируют процесс возникновения казачества. При этом большинство исследователей считает казаков порождением восточнославянского этнического массива [1, 17].

Первоначально казаки, видимо, поселились на гребнях Терского хребта, приблизительно от Голого гребня до междуречья Терека и Сунжи. Контролируя участок важной караванной дороги, идущей в Персию и Грузию, имея возможность заниматься охотой и рыбной ловлей, казаки уделяли мало внимания земледельческим занятиям [2, 42]. Их ряды пополнялись за счет беглых людей, горцев и всех, кому по душе был вольный образ жизни. Незвестный автор середины XVIII в., предположительно русский офицер, сообщал следующие сведения о гребенцах: «Находящиеся Кизлярского ведомства гребенские казаки с которого времени и при котором государе, или по каким-либо обстоятельствам во оном месте поселились, того при Кизляре и у них в войске никакого письменного известия не имеется, токмо чрез старожил и объявлено, что они весьма от давних лет по Тереку-реке жительство свое имеют, а каким случаем, по указу иль без указа, при котором государе сначала поселились, того за давностию сказать не могут. По объявлениям же настоящих терских старых жителей, или старожил, сказано, как от отцов и дедов своих верно слышали, что оные гребенские казаки по Тереку начались от беглых российских людей и от разных мест пришельцев от давних годов, только первоначально жительство свое имели не на тех местах, где они ныне имеют, но за

Тереком в гребнях (то есть в горах. — Ю. К.) и в ущельях...» [3, 181]

Вопреки популистским заявлениям о бесконфликтном и исключительно дружеском союзе казаков с горским населением, испорченном якобы Российским государством [4, 16-17], реальность складывалась несколько иначе. Казаки вынуждены были оставить первоначальные места проживания в связи с «частым и усиленным на них там от соседственных горских народов нападением и причиняемым им всегда беспокойством, со ущербом людей и скота, принуждены были оттоль выйти и переселиться по Тереку-реке...» [3, 182] В этой связи не стоит удивляться, что казаки искали поддержки и покровительства со стороны России. Они осознавали себя частью русского мира, хотя и не желали потерять тех вольностей, в поисках которых в свое время устремились на Кавказ. Это предопределило двойственность, противоречивость во взаимоотношениях казачества и Московского царства, которая порой толкала некоторых из них в стан враждебных России сил. Но все же для большинства казаков именно служение России становилось смыслом бытия, их христианским долгом. По мере усиления позиций российской государственности на Северном Кавказе казаки все прочнее встраивались в ее социальную, военно-политическую и экономическую структуры, внося немалую лепту в освоение региона и его органичное вхождение в состав многонационального государства [5]. Одной из главных задач, стоящих перед казаками, стала охрана и оборона границы от набегов и хищничеств «немирных» горцев, чей традиционный уклад вошел в противоречие с основами державного устройства. Теперь уже государство начинает целенаправленно пополнять ряды казачества, включая в их ряды представителей других сословий или

организуя новые переселения [6, 111-168, 171-202, 205-206]. Расположенным по берегам Терека, Сунжи, Малки, Кубани и т.д. станицам пришлось стать щитом российского порубежья, а потому казаками были разработаны правила и тактические приемы, позволяющие достаточно эффективно бороться с набеговой экспансией горцев.

Что же собой представляла кордонная линия? Ее «каркасом» служили российские военные укрепления, в которых располагались гарнизоны, участвовавшие как в отражении прорывов крупных неприятельских партий, так и в «репрессалиях» против враждебных горских обществ [7, 152-153]. Но недаром сами горцы говорили, что укрепление — «это камень, брошенный в поле: дождь и ветер снесут его; станица — это растение, которое вбивается в землю корнями и понемногу застилает и схватывает все поле» [8, 284]. В условиях «малой войны» только усилиями регулярных войск обеспечить задачу по отражению набегов было невозможно, а потому к крепостям добавлялись еще и станицы, население которых фактически специализировалось на несении кордонной службы. По своему устройству станицы напоминали укрепленный лагерь и «в большинстве случаев... строились по одному общему плану. Прямые улицы пересекают станицу вдоль и поперек. Посреди станицы просторная площадь для сборов по тревоге, общественных сходов и Божьего Храма». Стены храма нередко становились последним оплотом защитников станицы, если враг прорывался внутрь селения. «Со всех четырех сторон линейная станица обычно окапывалась глубоким и широким рвом, по внутреннему краю которого насыпался окружающий станицу вал, увенчанный плетневой оградой с колючим терновником. С двух (а то и трех, четырех) сторон станицы въезды, — крепкие ворота. У ворот часовой и «вестовая» пушка» [2, 154]. Когда на Линии было особенно тревожно, жители, отправляясь на работы, покидали станицу лишь с восходом солнца, предварительно проведя тщательную разведку окрестностей.

Станицы, расположенные вдали от станицы, таких укреплений не имели. Многие

из них изначально являлись гражданскими поселениями, строились широко, а потому возвести вокруг них защитный периметр было затруднительно. Да и оборонять его наличными силами не представлялось возможным. Единственной защитой и гарантией от покушений «хищников» становились внутренние посты, обязанностью которых было «не допустить нападений со стороны небольших неприятельских групп», они «также могли вовремя оповестить командование о появлении больших отрядов противника в данном районе» [9, 129].

Казаки возводили в пограничье посты или кордоны, устраивали пикеты, батарейки, залогии, учреждали разъезды. Как правило, казачья фортификация могла считаться таковой лишь условно. У черноморцев и линейцев пикеты «представляли собою небольшие плетеные из ивы шалаши с двойными стенками, промежутки между которыми наполовину наполнялись землей. Каждый пикет был окопан небольшим рвом и снабжен сторожевою «вышкою», т.е. обыкновенною на столбах каланчою, и так называемую сигнальную «фигурю» для оповещения тревоги». Это было временное сооружение, лишённое каких бы то ни было удобств. В случае опасности его могли без сожаления оставить на разорение неприятелю, а затем быстро возвести новое. В отличие от пикета пост или кордон был больших размеров. В нем «возводились постоянные жилища для казаков — хаты или казармы; кордоны были обнесены более глубоким, чем пикеты, рвом и земляным валом; кордоны, наконец, были вооружены пушками. В дополнение к этому, кордон был снабжен тою же, но в больших, разумеется, [размерах] сторожевою «вышкою», со шпилем и утвержденною на нем поперечною перекадиной, на которую вздергивались шары днем, в случае тревоги, а вблизи укрепления врывалась в землю высокая жердь, обмотанная пенькой и сеном или соломою, а иногда, кроме того, снабженная кадкою со смолою. Это и была сигнальная «фигура» или «веха», зажегши которую казаки давали знать в темную ночь о набеге черкесов. Наконец, батарея представляла нечто среднее между постом и пикетом и также укреплялась пушками. Между тем как

на пикет высылались обыкновенно команда от 3 до 10 казаков, — посты в обычное время охранялись, смотря по своей стратегической важности, от 50 до 200 казаков, а батареи от 8 до 25 человек каждая» [10, 113-116]. Подобные укрепления не могли являться серьезным препятствием для набегчиков, а потому мужество и воинское умение казаков становились главной преградой на пути «хищнических партий».

Но даже такого укрытия были лишены казаки, располагавшиеся в секретных залагах и участвующие в разъездах. По словам И. Д. Попки, «с первым светом дня сторожевой поднимается на вышку, и все вышки зорят по Кубани до сумерек. Когда же голодный волк и хищный горец выползают из своих нор на ночной промысел, в то время значительная часть спешенных казаков выходит из поста на обе его стороны и украдкой, вместе с тенями ночи, залегает берег, в опасных местах, по два, по три человека вместе. В то же время расставленные по пикетам казаки покидают свои дневные притоны и также располагаются по берегу живыми тенетами для ночного хищника. Это «залога»... залог спокойствия и безопасности страны. Казаки, остающиеся на посту, держат коней в седле и находятся в готовности по первому известию или по первому выстрелу залог, далеко слышному в ночной тиши, скакать к обеспокоенному месту кратчайшим путем... Между тем отряжаются с постов с вечера, в полночь и на рассвете разъезды, составом в два, три человека каждый. При ожидаемом по слухам или по приметам нападении разъезды повторяются до шести раз в продолжении ночи, но никогда не бывают они сильного состава. Разъезды проходят прибрежными тропинками — «стежками», ими проложенными и ими только известными, соблюдая наивозможную чуткость и осторожность и переключаясь с залогой загодя условным отрывистым свистом либо глухим счетным стуком шашки о стремя» [11, 142].

Такая отлаженная система несения пограничной службы сложилась не сразу. Считается, что правила охраны и обороны границы окончательно сформировались к 20-м гг. XIX в. Они подробно рассмотрены в

исследовании Б. Е. Фролова, который отмечает следующее: «Сбор полка на службу осуществлялся с помощью специальных «бланкет открытого предписания», рассылаемых командиром полка сотенным начальникам. В них указывалась численность команды, время и место сбора (обычно полки собирались у Екатеринодара). К своей штаб-квартире полк двигался осторожно, на значительном расстоянии от границы. Поскольку адыги предпочитали совершать набеги во время смены полков, то на посты казаков рассылали только ночью. В течение пяти дней старый и новый полки несли службу совместно, чтобы вновь прибывшие казаки могли ознакомиться с обстановкой. Домой отслуживший полк уходил ночью.

Все караулы делились на «дневные» и ночные. Дневную службу несли пикеты и часовые на вышках. Ночью в охране находились секретные караулы (называемые на Кубани залогами), разъезды и резервы. Залоги ставились и снимались только в темноте. Отклики и отзывы на них запрещались, употреблялись особые условные знаки, хранившиеся в глубокой тайне. Число людей в залогах устанавливал начальник поста в зависимости от важности охраняемого места.

Разъезды, в свою очередь, были ночные и дневные. Ночные (не меньше 5 человек) совершались 4 раза. Время отправления разъездов и маршруты движения постоянно менялись. Разъезды соседних постов встречались в обусловленном месте, часто у какого-либо пикета, называемого съездным. Для уверенности в том, что разъезды доходят до назначенных пунктов, в Черномории употребляли специальные деревянные ярлыки... При съезде разъезды соседних постов обменивались ярлыками. <...> Для поддержки секретных караулов и разъездов от каждого поста, в обе стороны выделяли по одному конному резерву, а в случае особой опасности — по два» [12, 106-107].

При определенной схожести порядок несения службы у линейных казаков был несколько иной, чем у черноморцев. На Линии трудно было организовать постоянное наблюдение за неприятелем, а потому расчет был сделан на истребление его партий в результате преследования. Об этом в свое

время поведал И. Д. Попка, писавший, что «отличительные ли черты местности или первобытные распорядки и привычки внесли разницу в образ содержания одной и той же линии кавказскими и черноморскими казаками. У первых сжатость, подвижность и налет, и оттуда сила удара, если противник под него подвернулся, если ж увернулся — промах; у последних — растянутость, раздробленное и неподвижное выжидание неприятельского нападения на всех пунктах, где только оно признается возможным и вероятным. Там гонка за зверем, вышедшим на чистое место, а здесь облава в закрытом месте на зверя, еще не поднятого. У кавказцев вход черкесу подчас широк, да выход тесен, у черноморцев наоборот. Лучший судья — опыт обнаруживает недостатки и той, и другой системы. Была темная ночь или был туманный день: кавказцы поздно заметили неприятеля и налетели, когда уж след его простыл, а поспей они вовремя — несдобровать бы хищнику; черноморцы рано заметили, нащупали на самой переправе и следили неприятеля, да ничего ему не доказали. Вообще же, если кавказская линия часто пропускает хищников в широкие ворота между сильными лезертами, то еще чаще накрывает и поражает, или, по принятому в кордонных донесениях выражению, «наказывает» их, а черноморская линия, с густой, но тонкой цепью своих бикетов и залог, только замечает, останавливает и заставляет воротиться без успеха, но не наказывает хищников» [11, 122].

Кордонная служба казаков знала немало героических и трагических страниц. Нередко защитникам порубежья приходилось «положить живот свой за други своя». Приведем лишь несколько примеров из этого длинного списка казачьей доблести.

Пожалуй, одним из самых ярких и знаковых событий в длинной череде испытаний, выпавших на долю казаков, стала оборона станицы Наурской 10 июня 1774 г. И хотя, по словам В. А. Потто, она не имела «большого политического и военного значения», тем не менее, продемонстрировала готовность казачества жертвовать собой на благо Отечества. Тогда станицу, где почти не было строевых казаков, привлеченных

к участию в походе, окружило многочисленное войско из турок, крымских татар и северокавказских горцев. На защиту встали все жители селения и сумели не только отразить натиск неприятеля, но и нанесли ему серьезные потери, заставив на следующий день отступить, не добившись результата. В память об этом достопамятном событии казаки чествовали своих жен, сестер и матерей, называя одиннадцатое июня «бабьим праздником», т.к. значительные заслуги в этой победе принадлежали им [13, 78-81].

Удачей для казаков закончилось сражение 3 октября 1821 г., когда вторгнувшиеся закубанцы потерпели сокрушительное поражение на Калаусском лимане. Черкесы «в числе до полутора тысяч лучших, под предводительством известнейших их разбойников, сделали нападение на земли черноморцев с намерением разорить их селения. Приличные распоряжения, смелость в предприятии генерала Власова 3-го и чрезвычайно темная ночь, скрывшая малые его силы, приуготовили гибель разбойников. Следуя за ними с тылу, отрядив небольшую часть казаков, которая вела с ними перестрелку спереди в то время, как в окружности повсюду зажженные маяки и пушечные сигнальные выстрелы привели закубанцев в замешательство, он успел отрезать дорогу к отступлению, и когда они, не подозревая о его присутствии, думали безопасно возвратиться, встретил он их картечными выстрелами и ружейным огнем расположенных в камышах казаков. Почитая себя повсюду окруженными, искали они спасения в бегстве: часть одна, случайно направившаяся по сухому месту, могла, хотя с потерей, удалиться, но главные силы, обманутые темнотою, попали на обширный и глубокий залив из реки Кубани, и сильно преследуемые казаками, потонули в оном, и не спасся ниже один человек. Казаки вытащили в последующие дни с лишком 600 лошадей и более нежели таковое число богатого оружия. Закубанцы, приезжавшие для вымена пленных, признавались, что в сем случае лишились они храбрейших из своих вожатых и разбойников и что вообще потеря их простирается свыше тысячи человек», писал в своих мемуарах А. П. Ермолов [14, 376]. Возр

ник даже замысел увековечить выигранное сражение памятником в назидание потомкам [15, 118].

Но не всегда столкновение с набегчиками заканчивались в пользу казаков. Нередко попытка остановить грабительский рейд приводила к истреблению казачьего отряда, как это случилось с сотней Андрея Леонтьевича Гречишкина в бою 15 сентября 1829 г. недалеко от правого притока Степного Зеленчука. Тогда, окруженная превосходящими силами неприятеля, команда казаков предпочла смерть плену и почти вся пала в неравном бою [16].

А вот еще один случай из истории «малой войны». В своем рапорте на имя наказного атамана Черноморского казачьего войска Завадовского командир 9-го конного полка подполковник Кравцов так описывает события: 27 декабря 1832 г. «...пред восходом солнечным осведомился я, что неприятель в больших силах переправляется ниже Тиховского пикета, который, как известно было, должен идти на селение Ивановское или Полтавское, почему привел я к исполнению следующее. Отрядил квартирмистра Кравчину с пятнадцатью человеками исправнейших козаков для наблюдения за движением хищников... Вскоре потом я прибыл с собранным мною со всей возможной натяжкой отрядом в числе около двух сот человек конницы и пехоты при двух артиллерийских орудиях на Тиховский пикет, где получил новые сведения, что неприятель в чрезвычайно больших числах сделал переправу между третьего и четвертого пикетов вверх Славянского поста и что на втором пикете, мимо коего неприятель должен был проходить вопреки моему распоряжению Есаул Корогодов вверенного мне полка оставил пеших одного урядника при четырнадцати человек казаков, движимый человеколюбием и долгом своей обязанности, несмотря на то, что впереди меня дороги, заросшие камышом и бурьяном, представляли во многих местах около восьми верст тесной и опасной проход, я решился следовать для спасения второго пикета. Прибыл туда форсированным маршем, нашел оный, атакованный неприятелем, не теряя времени, приказал открыть действия из артил-

лерии, которая удачными и поспешными выстрелами вскоре обратила неприятеля в бегство. Бросившаяся же стремительно на неприятеля пехота и кавалерия довершили занятие неприятельской позиции. В пикете оказались два казака убитыми: один отряда 5-го конного, а другой вверенного мне полка и три раненных и одна казачья лошадь убита; прочие же обязаны спасением решительной храбрости и расторопности бывшему в пикете уряднику Суру 5-го конного полка. Особенного также внимания заслужили и казаки, его подчиненные, при сем случае выскочившие на помощь пикету из Славянского поста. Есаул Корогодов с Хорунжим Белым 5-го конного полка потеряли одного казака изрубленным...

Неприятель соразмерно нашей потере получил гораздо чувствительнейшего, судя по тому, сколько крови обрелось кругом всего пикета, по показанию казаков, которые кололи неприятеля пиками, штурмовавшего огорожу и удачном действии артиллерии поражавшем неприятеля в глазах нас всех. — Неприятеля противу поста не более было трех сот человек, большим числом состоящего из пехоты, но гораздо более сего числа были толпы по протяжении от второго до третьего пикета, которые, казалось, намеренны были действовать мне во фланг, но поспешное наше действие занять выгодную позицию лишили неприятеля благоприятного к тому случая. Прогнанный неприятель на левую сторону Кубани, пространство от прежней своей переправы за Славянский пост в Каракубанский остров, которого мы вообще определяли числом более тысячи человек» [17, 50].

За проявленное мужество и героизм, оказанные при отражении набега неприятеля, «Государь Император по всеподданнейшему докладу Господином Военным Министром донесения моего об отличии, оказанном находившимися на пикете 12-ю казаками при уряднике 5-го конного полка командуемого Вами войска Сура, во время нападения на них закубанцев, Высочайше повелеть соизволил: произвести их в урядники и 3-х человек, наиболее отличившихся, наградить знаками отличия военного ордена», писал атаману Завадовскому 11 ав-

густа 1833 г. генерал-лейтенант Вельяминов [17, 13].

Примеров чествования героев пограничья сохранилось немало, но еще больше случаев остались безымянными. Они были той частью повседневности, которая считалась само собою разумеющейся практикой, и поощрялись скорее общественным мнением и определенной экономической заинтересованностью. Так, в пользу бдительного несения службы по охране границы действовали методы «материального стимулирования». Вспомним сюжет «Казаков» Л. Н. Толстого, когда Лукашка не только продал вещи убитого им абрека, но и получил выкуп от родственников набегчика за его тело.

А вот какой эпизод описывается в материалах дела, хранящегося в Государственном архиве Ставропольского края. 18 ноября 1849 г. к ставропольскому гражданскому губернатору генерал-майору Волоцкому обратился начальник Терской кордонной линии подполковник Суходольский. Он доносил, «что 14-го числа сего месяца, партия хищников напала на Красный Бугор (имение принадлежащее помещику Реброву), но будучи встречены выстрелами, не сделав никакого похищения, отправилась на Колпичевскую станцию, состоящую на астраханском тракте от Кизляра в 75 верстах, взяла из смотрительского дома некоторые незначительные вещи и две почтовые лошади и отправилась в степь по направлению к Тереку; по тревоге этой на дороге в ногайских степях достигнуты были какими то вооруженными людьми, которые, сделав выстрелы, убили одного чеченца, партия же не желая заводить с ними драки, ускакала от них. 15-го числа пред рассветом партия эта хотела переправиться чрез Терек в дистанции Кизлярского казачьего полка, между постами Лашковском и Гораевском, около станицы Старогладковской, но была замечена секретными казаками и по сделанным выстрелам заведовавший полком за отсутствием моим Войсковой старшина Ильин, прискакав из Старогладковской с казаками 6-й сотни, при переправе отбил у неприятеля 10 лошадей с 7-ю седлами и захватил одного в плен чеченца с оружием в руках, а так как остальные были уже на той стороне,

то он переправил туда команду казаков для преследования их и дал знать в деревню Хамамат-Юрт с тем, чтобы жители оной тоже преследовали. Команда казаков, соединяясь за Тереком против поста Акаевского, вместе с жителями Хамамат-Юрта поскакали по следам неприятеля, настигли их против Телешенского поста Гребенского полка и, бросившись на хищников, убили 3-х человек, в числе коих — жоака, бывшего казака Кизлярской станицы Мисирбия Казыханова, 2-х взяли в плен, взяли 6-ть лошадей с седлами, все оружие убитых и схваченных в плен, и выше писанные смотрительские вещи; сверх того жителями Хамамат-Юрта тоже взято в плен три чеченца с 5 лошадьми и оружием их; затем остальные этой партии 5 человек прежде товарищей, переправившиеся чрез Терек и имевшие лучших лошадей, спаслись бегством.

В бытность в г. Кизляре, Ваше Превосходительство изволили лично приказать мне объявить казакам, что за всякого хищника, убитого или взятого в плен, будет выдаваемо вознаграждение по двадцати пяти рублей серебром за каждого. В следствии чего честь имею покорнейше просить разрешения Вашего Превосходительства, следует ли мне взойти с требованием к Кизлярскому коменданту о выдаче наградных денег за убитых и взятых в плен хищников» [18, 1-2]. Видимо, рассчитав сумму, которую пришлось бы отдать казакам в качестве обещанной награды, ставропольский губернатор решил, что несколько «погорячился». Поэтому последовало малоубедительное объяснение, что такую сумму он готов выплачивать лишь за тех набегчиков, которые будут ликвидированы в самом Кизляре, либо в окрестных городу садах. Чтобы «сохранить лицо», было приказано «доставить из означенных сумм 25 руб. серебром для раздачи» отличившимся [18, 4].

Но, как уже говорилось выше, воинское счастье переменчиво. Далеко не всегда казакам удавалось отражать хищнические провалы. Если удача была на стороне неприятеля, казаки лишались имущества, а то и самой жизни. Нередки на Линии и в Черномории были случаи, когда казаки или их близкие оказывались в плену. Этот вопрос уже не-

однократно поднимался как в научной, так и художественной литературе [19, 517-533; 20; 21, 254-256]. Судьбы пленников в большинстве случаев были трагичны. Особенно наглядно весь драматизм ситуации раскрывают истории детей, похищенных из родного дома и нередко навсегда пропадающих на чужбине [22, 1].

Говоря о непростой жизни казаков в условиях северокавказского пограничья, нельзя обойти вниманием и такое явление, как бегство некоторых из них к «немирным» горцам. Мотивы этих шагов были различны. Нередко можно было услышать мнение о том, что русские перебежчики таким образом боролись за свою волю, не желая терпеть произвол царских чиновников. Не отрицая подобных ситуаций, вместе с тем укажем и на то, что для многих беглецов столь высокие побуждения были чужды. В стан неприятеля их толкал страх понести наказание за проступки, которые они совершили, а моральный облик таких «борцов» за свободу оставлял желать лучшего. Примером тому служит дело казака Гребенского казачьего полка станицы Калиновской Кондрата Дорошенкова, который бежал к «немирным» горцам, но потом был пойман с оружием в руках и предан заслуженному суду.

История эта началась осенью 1844 г., когда Кондрат «был уволен с товарищами в Кизлярский округ для лова рыбы». Казаки должны были заниматься промыслами с 20 сентября по 20 декабря, поле чего вернуться домой. Но, если остальные казаки завершили лов еще до намеченного срока и вернулись обратно, Дорошенков, который в отличие от них не имел своего дома, решил остаться и продолжать ловить рыбу. Отсутствие своего дома и семьи — факт сам по себе примечательный, особым образом характеризующий фигуранта дела. Последующая эпопея позволяет понять, почему Дорошенков не озаботился созданием семейного очага, а предпочитал авантюрную жизнь человека «перекати-поле».

Получив от товарищей билет, дающий право на передвижение по Линии, который в дальнейшем потерял, Кондрат продолжал ловить рыбу до февраля 1845 г. Насколько лов был удачен, сказать сложно, т.к. в итоге

никто его добычу так и не увидел. Сам же Дорошенков, «прибыв в станицу Щедринскую и встретясь на базарной площади с отставным урядником Червленской станицы Федотом Рогожиным предложил ему купить у него рыбу, которая будто бы доставляется ногайцами». Надо отдать должное дару убеждения, которым обладал Дорошенков, т.к. его «виртуальный» улов заинтересовал покупателя, и тот пошел на сделку, даже не видя подтверждения тому, за что он платил деньги. В итоге, «Рогожин сторговав оную дал Дорошенкову в задаток один рубль серебром, а на 50 коп. серебром сделал ему угощение и кроме того употребил 50 коп. серебром на наем ногайца для отыскания в степи по словам Дорошенкова ароб с рыбою».

Пока осуществлялся поиск несуществующих «ароб», «Дорошенков ушел от Рогожина в станицу Калиновскую и явился к бывшему начальнику оной сотнику Екушеву, коему объявив, что наловленная им рыба должна быть привезена в станицу Червленскую, просил уволить его туда». Остается лишь удивляться пронырливости Кондрата, но и сотник, хорошо его знавший не с лучшей стороны, поверил казаку и «вместо арестования Дорошенкова за бродяжничество, отпустил его».

Прибыв в станицу Червленскую, тот переночевал у все еще ждавшего свой товар Рогожина, а сам навестил племянницу Татьяну Свешникову, которая жила с мужем в станице Мекенской. Родственные чувства, видимо, мало волновали Дорошенкова, т.к. он ограбил Татьяну, забрав вещи, принадлежащие ее супругу [23, 5-6]. Как докладывал наказному атаману Кавказского линейного казачьего войска генерал-лейтенанту Николаеву проводивший дознание есаул Олейников, Дорошенков «выпросил строевую мужа ее лошадь съехать будто бы до Калинова, на которой при выезде в то время, когда племянница уже отправилась навестить мужа своего бывшего за болезнью в полковом лазарете, он выкрал в доме у ней форменный бешмет с нанковыми шароварами...» [23, 1-1 об.]

Вернувшись в Червленую, авантюрист «остановился в доме знакомого ему казака Николая Цымлянского, которому сказан-

ную лошадь променял... на собственную Цымлянского». Таким образом избавившись от краденого, Дорошенков еще и неплохо провел время, т.к. обрадованный «выгодным» обменом Цымлянский закатил для него пир, истратив на угощение один рубль серебром. На что рассчитывал прохода, сказать трудно, видимо, заботы о дне завтрашнем мало волновали Дорошенкова, т.к., продав оставшееся у него седло за 6 рублей ассигнациями казаку Понамареву, он отправился в станицу Екатериноградскую. Здесь жил его приятель, казак Степан Кривозубкин, у которого Кондрат и остановился. В Екатериноградской, получив деньги, которые ему задолжало семейство казаков Алентьевых, Дорошенков продолжил свой загул. Он «подарил лошадь Цымлянского казаку Кривозубкину как свою собственную и в том дал ему расписку при свидетелях. Кривозубкин в знак благодарности дал Дорошенкову три рубли серебром, два же рубли серебром, употребил на угощение его». Очевидно планы у Дорошенкова, весело кутившего за чужие деньги, были обширны, т.к. «уходя от Кривозубкина Дорошенков сказал, что отправится в дом свой в станицу Калиновскую и скоро приедет в Екатериноград для продажи вина и рыбы». Однако этим замыслом так и не суждено было осуществиться. Лжекоммерсанта «по прибытии в станицу Павлодольскую 13-го апреля сего года (1845 г. — Ю. К.) за неимением письменного вида взят встретившимся с ним на улице урядником Горского полка Самойленковым». На этот раз бдительный урядник не поверил словам Кондрата, который быстро сочинил очередную басню о том, что он пришел «для розыска пропавших лошадей, и что билет его находится в городе Моздоке у жены».

В ходе недолгого разбирательства раскрылись все махинации Дорошенкова, и «лошади казаков Свешникова и Цымлянского, как равно седло с уздой, бешмет и шаровары возвращены по принадлежности хозяевам».

Во время расследования «на повальном обыске 12 человек казаков показали, что подсудимый казак Дорошенков поведения дурного и нетрезвого, за что неоднократно

был наказан при сборе общества розгами». О себе он сообщил, что «от роду ему 36 лет из казачьих детей, в службе состоял с 1832 по 1837 год и в сем году по неспособности уволен от оной. Знаков отличия не имеет и штрафован по суду не был». За весь «букет» совершенных правонарушений было принято решение «наказать его шпицрутенами по усмотрению начальства и отдать в военную службу для определения в дальний гарнизон, а в случае неспособности к оной сослать в Сибирь на поселение».

Досталось и сотнику Екушеву. За служебную халатность его приговорили к аресту «на неделю с содержанием на гауптвахте». Потерпевшим казакам, которые щедро потчевали Дорошенкова, решили компенсировать их затраты за счет имущества обвиняемого, но если бы такового не оказалось, то в иске им было бы отказано. Учитывая разгульный образ жизни Кондрата, рассчитывать на возврат денег им не приходилось. Это была плата за излишнюю доверчивость [23, 6-8].

После медицинского освидетельствования оказалось, что служить Дорошенков больше не может, а потому мошенника приговорили к пятистам шпицрутенам и к отправке в Сибирь на поселение, о чем и доложили в Тобольский приказ о ссыльных [23, 16-16 об.].

Казалось бы, история с калиновским пронырой завершилась. Но это был еще не конец авантюрной эпопеи. Кондрат Дорошенков... бежал из-под стражи, сумев обмануть своих охранников. Успеху предприятия способствовало то, что он «по тесноте в крепости Грозной каземата, препровожден был для содержания под караулом до решения дела при полку, отколь он 10-го числа августа сего года (1846 г. — Ю. К.) бежал...» [23, 23 об.] По словам командира Гребенского казачьего полка полковника Сулова, сказалося и разгильдяйство охранявшего его караула и лично «дежурного офицера... поручика Антулаева и караульного урядника Романа Тарасова, по распоряжению коих казак Дорошенков не содержался вместе с другими арестантами в арестантской комнате, а находился в комнате вместе с казаками, откуда 10 числа прошлого августа был

отпущен урядником без должного караула по собственной его надобности по станице» [23, 20-20 об.].

Но долго находиться в бегах неугомонному казаку не пришлось. Как сообщалось в рапорте полковника Сулова на имя наказного атамана, датированном 25 февраля 1847 г., «казак Дорошенков по поимке из бегов с оружием в руках, в котором он находился у непокорных горцев, предан суду...» [23, 28 об.-29] Круг замкнулся.

Жизненные перипетии бывают разные. Недаром появилась поговорка: «От сумы и от тюрьмы не зарекайся». Судьба Кондрата Дорошенкова тому яркое подтверждение. Можно пожалеть непутового афериста, но делать из него жертву имперского произвола, искавшего волю и справедливость у свободолюбивых горцев, вряд ли правомочно...

Неоднократные требования российской командования к горцам выдавать беглых солдат и казаков были вполне мотивированными. Среди дезертиров было немало тех, кто участвовал в дерзких и жестоких нападениях на соотечественников, безжалостно грабя и убивая их ради своей прибыли. О таких эпизодах сохранились документальные свидетельства, которые рисуют картину суровой повседневности на пограничных землях. Так, в ноябре 1862 г., когда, казалось бы, близко было замирение Северо-Западного Кавказа, произошло трагическое событие, связанное с захватом урядника станицы Попутной Тимофея Котова и его брата Герасима в плен и гибелью их дяди Степана от рук беглого урядника Колосова, поселившегося среди «немирных» горцев.

Из материалов расследования стало известно, что 7 ноября «на 4-х пароволовых подводах с восходом солнца отправились по правую сторону р. Урупа за сеном и того же дня не возвратились; на другой день, т.е. 8-го ноября, казаки той же станицы Иван Карниенко и Тимофей Татарка, по просьбе матери Котовых отправились для розыска их и в 6-ти верстах от станицы Попутной по правой стороне р. Урупа нашли только одни стоявшие с сеном воза, а самих Котовых и 4-х пар волов и одной бичевы не оказалось, почему казаки Карниенко и Татарка тот же

час дали знать в станицу воинскому начальнику есаулу Бакуринскому, который приказал сделать в колокольный звон тревогу и отправил несколько льготно-служащих казаков на место происшествия» [24, 9-9 об.]. Прибывшие на место казаки обследовали все соседние балки, но следов неприятеля так и не обнаружили, т.к. выпавший ночью снег скрыл все следы преступления.

Вскоре из первых уст стало известно, что же произошло с пропавшими казаками. Спустя восемь дней, «урядник Тимофей Котов 16 ноября 1861 года возвратился из плена и объявил, что брат его Герасим находится в плену в ауле верховьев р. Лабы у беглого урядника Колосова, а он освобожден им для доставления ему Колосову за себя и брата своего Герасима 250 рублей серебром, а дядя его Степан срублен хищниками неподалеку от места происшествия в балке, который того же 16 ноября найден и доставлен в станицу Попутную.

Медик коллежский ассессор Смоленский отозвался, что при освидетельствовании им тела Степана Котова оказалось, что он умер от нанесения ему глубоких шашечных ран в правую сторону лица, головы и шеи с повреждением костей в сих частях и как смерть его произошла при известных обстоятельствах, то вскрытия полостей, а равно и составления формального медицинского акта в подобных случаях не делается. Тело же это предано земли по христианскому обряду» [24, 11 об.-12]. Со слов Тимофея Котова, они, набрав сена, уже ехали обратно, но внезапно были атакованы партией черкесов, состоявшей из семи всадников. Казаки не сумели вовремя заметить хищников, т.к. сильный туман и дождь, впоследствии перешедший в снег, сильно сократили видимость, а потому воспользоваться оружием они не успели. Его с братом связали, а дядю отвезли в балку и зарубили, видимо, решив, что за него не смогут получить выкупа.

До вечера набегчики прятали пленников в балке, а затем «забрали их и погнали 4-е пары волов, чрез р. Уруп, между станицами Отрадную и Попутную, а дальше по дороге, идущей на станицу Спокойную, и, не доезжая поста Большеетегенского, отправились по мимо станиц Спокойной и Под-

горной на дальнее расстояние, между тем один из них как должно полагать старший отправил его с братом Герасимом и с тремя азиатами к р. Лабе, между новою Ахметовскою станицей и постом Шелуховским, которые привезли их в Мирный аул, расположенный от р. Ходза не больше в 6-ти верстах, а сам тот старший с тремя азиатами, погнав быков вправо по другой дороге, отколы он прибыл в тот же аул, и в одно и то же время, но без быков, и объявил, что быков будто бы у них отбили русские. В ауле этом хищники пробыли не больше часа времени и потом повезли их дальше в горы в аул беглого урядника Колосова, где Тимофей Котов узнал, что он самый и брал их в плен, в ауле этом он пробыл только два дня, а на третий день Колосов дал ему Котову записку и вместе с тем приказал своим азиатам вывезть его из плена, с тем однако ж, чтобы он в течение 20-ти дней доставил ему Колосову за брата своего Герасима 250 руб. серебром.

Азиаты те не довели его Котова до укр. Хамкетов верст 6-ть, догнали армян, ехавших с товаром из Мирного аула, поручили им доставить его, которые доставили к полковнику Гоцу, который выдал ему билет до станицы Отрадной, куда он прибыл 14 ноября» [24, 12-13]. Из этих объяснений видно, что горцы, которые считались «мирными» и формально подчинялись российским законам, тем не менее, не препятствовали своим

соплеменникам заниматься пленопродавством. Хищническая партия спокойно проходила через их селения, не боясь за свою добычу.

Обращает на себя внимание и тот факт, что набежчики использовали армянских торговцев для налаживания контактов с российскими властями. Таким образом, и в конце вооруженного противостояния в регионе армяне по-прежнему играли роль связующего звена между горцами и русскими и, благодаря своей нейтральной позиции, находили возможность ладить с обеими сторонами. Так причудливо складывались отношения между участниками непростого межкультурного диалога, который выстраивался в условиях северокавказского фронта.

Что касается Герасима Котова, то он пробыл в плену до 1 декабря 1861 г. и был выкуплен своим братом. Как сложилась судьба беглого Колосова, неизвестно, но окончательное усмирение враждебных племен на Северо-Западном Кавказе в 1864 г. вряд ли оставило для него надежду продолжать свой разбойничий промысел.

Такие разные эпизоды и жизненные коллизии зримо показывают всю неоднозначность событий, происходивших на северокавказском порубежье. Будучи порождением фронта как территории неопределенности, судьбы казаков демонстрировали его противоречивость и изменчивость.

1. Терское казачество: история и современность. Научно-справочное иллюстрированное издание/Под ред. В. П. Бондарева. Ставрополь-Пятигорск, 2009.
2. Великая Н. Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. Ростов н/Д, 2001.
3. Косвен М. О. Описание гребенских казаков XVIII в. // Исторический архив. 1958. №5. Сентябрь-октябрь.
4. Савченко Д. И. Терское казачество в истории присоединения Северного Кавказа к России (XVI-XIX вв.). Пятигорск, 2005.
5. Клычников Ю. Ю. Из истории формирования российского Северного Кавказа во второй половине XVI-XVIII веках/Под ред. и с предисловием В. Б. Виноградова. Пятигорск, 2008.
6. Казин В. Х. Казачьи войска. (Хроника гвардейских казачьих частей помещена в книге «Императорская гвардия»). Б.м., 1912. Репринтное издание.
7. Караулов М. А. Терское казачество в прошлом и настоящем/Пятигорск, 2002. Репринтное издание.

8. Потто В. А. Два века Терского казачества. Ставрополь, 1991. Репринтное издание.
9. Николаенко Н. Д., Ермаков В. П. Кавказское Линейное казачье войско: история формирования, система управления и служебные обязанности (начало XVIII — 1860 г.). Пятигорск, 2010.
10. Фелицын Е. Д., Щербина Ф. А. Кубанское казачье войско. Краснодар, 1996. Репринтное издание.
11. Попка И. Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: очерки края, общества, вооруженной силы и службы в двух частях. Краснодар, 1998.
12. Фролов Б. Е. Организация обороны Черноморской кордонной линии в конце XVIII — первой трети XIX в. // Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции. г. Краснодар, 16-18 мая 1994 г. Краснодар, 1995.
13. Потто В. А. Кавказская война: В 5 т.: Т. I: С древнейших времен до Ермолова. Ставрополь, 1994.
14. Записки А. П. Ермолова 1798-1826. М., 1991.
15. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 261. Оп. 1. Д. 79.
16. Соловьев В. А. Подвиг сотни Гречишкина. Краснодар, 1996.
17. ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.1270.
18. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 101. Оп. 1. Д. 893.
19. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. В 2-х т. Екатеринодар, 1910-1913. Т. II. История войны казаков с закубанскими горцами. 1913. Репринтное воспроизведение
20. Виноградов В. Б., Гусева Н. А. Горский плен: люди и судьбы (сборник публикаций)/Под ред. Е. И. Нарожного. Армавир, 2002.
21. Клычников Ю. Ю. Усилия российской администрации по ликвидации последствий горского «хищничества» (по материалам ГАКК) // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: Тезисы Всероссийской научной конференции (28-29 сентября 2010 г., Ростов-на-Дону)/Отв. ред. акад. Г. Г. Матишов. Ростов н/Д, 2010.
22. ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 189.
23. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24.
24. ГАКК. Ф. 254. Оп. 2. Д. 328.